Отечественная история
National History

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2020-12-6-40-60
УДК 94;908

ПОДМОСКОВНЫЕ ФИЛИ В 1920-Е ГОДЫ

Прохоров Михаил Федорович
Российский государственный университет туризма и сервиса
г. Москва, Россия
2210.mfp@mail.ru

Анотация: Автор рассматривает социально-экономическое и культурное положение подмосковных Филей, находящихся в западном предместье Москвы, в период нэпа. Тема по исследуемой территории в научной и краеведческой литературе практически не изучалась. Источниковой базой послужили документы, извлеченные их архивов Москвы и впервые вводимые в научный оборот, – договоры, протоколы, заявления, постановления, наказы депутатам. Источники позволяют определить особенности занятия крестьян сельским хозяйством, мелким кустарным промыслом, торговлей. Обращается особое внимание на становление промышленного производства, его отраслевой направленности, положение рабочих и их борьбу за свои права. Документы, отражающие деятельность на Филях концессионного предприятия фирмы «Юнкерс», позволили выяснить формы и методы управления и взаимоотношения иностранной компании с советской властью. В статье выясняется также состояние благоустройства, быта и досуга местного населения. В заключение подчеркивается временный характер нэпа и его свертывание к концу 1920-х годов.

Ключевые слова*:* аренда, досуг, крестьяне, образование, предприятие, промыслы, рабочие, сельское хозяйство, торговля
Для цитирования: Прохоров М.Ф. Подмосковные Фили в 1920-е годы. // *Историческая и социально-образовательная мысль.* 2020. Том. 12. № 6. с. 40-60. doi: 10.17748/2075-9908-2020-12-6-40-60.

Original article

MOSCOW REGION FILI IN THE 1920S

Mikhail F. Prokhorov
Russian state University of tourism and service
Moscow, Russia
2210.mfp@mail.ru

Abstract: The author examines socio-economic and cultural provisions of the Fili, located in the Western suburb of Moscow of during the nep. Topic for the study area in scientific and local history the literature was practically not studied. The source base was documents extracted from archives Moscow and newly introduced in scientific - research agreements, protocol, statements, resolutions and instructions to deputies. Sources allow you to determine features of peasant occupations agriculture, small scale artisanal fisheries, trade. Special attention is paid to on the establishment of industrial production, its industry focus. Documents reflecting the activities at Fili concession of enterprise the firm Junkers, let us find out the forms and methods governance and relationships foreign companies with Soviet power. The article also explains the state of improvement, life and leisure local population. The conclusion of the article emphasizes the temporary the nature of the nep and its collapse by the late 1920s.

Keywords*:* rent, leisure, farmers, education, factory, industry, workers, agriculture, trade, Fili
For citation: Prokhorov M.F. Moscow region Fili in the 1920s. *Historical and Social-Educational Idea.* 2020. Vol. 12. No.6. PP. 40-60. (In Russ.).
doi: 10.17748/2075-9908-2020-12-6-40-60.

1920-е годы в СССР связаны с новой экономической политикой как средством выхода из тяжелого политического и экономического кризиса после гражданской войны. Подобная ситуация в стране не могла не найти отражения в современной российской историографии. Этот интерес связан с коренными преобразованиями и модернизацией в постперестроечной России, ее ориентацией на рыночные реформы, разработкой новой модели социально-экономического, политического и культурного устройства общества. Появляются обобщающие работы, посвященные причинам, сущности и результатам нэпа в общероссийском масштабе. На основе впервые привлекаемых архивных материалов в исследованиях рассматриваются новые явления в экономики, сельском хозяйстве, промышленности, финансах, торговле, кооперации, связанные с ориентацией на рыночные отношения и частный капитал [1]. Публикуются многочисленные статьи, дополняющие различные стороны нэпа в масштабе страны: общественное настроение, протесты крестьян, забастовки рабочих, налоговая политика, механизм ценообразования, повседневная жизнь населения и т.п. [2].

Возрастает значительный интерес к данной проблеме на региональном уровне. Издаются монографии, многочисленные статьи, идет настоящий диссертационный «бум». Исследованию истории нэпа подвергается почти вся территория Россия, включая Московскую губернию. Выясняются такие вопросы,

как характерные черты и особенности нэпа в регионах, взаимоотношение местной власти с населением, социальное расслоение деревни, протесты рабочих и крестьян и т.п. [3].

Однако в российской историографии до сих пор остаются «белые пятна», особенно при изучении нэпа на таком локальном уровне, как деревня, село, поселок, район. В этом региональном ракурсе наблюдается недостаточный круг привлекаемых источников местных архивов, слабая аргументация проводимых реформ и их особенностей, недооценка или переоценка результатов преобразований и т.д. [4]. Именно к таким «белым пятнам» относится малоисследованная в литературе Филевская местность, расположенная в западном, экономически развитом предместье Москвы. По исследуемому району имеются лишь отдельные публикации, отражающие некоторые стороны этой важной проблемы [5].

В основу исследования положен системный подход, позволяющий в комплексе рассмотреть социально-экономические, общественно-политические и культурные процессы на изучаемой территории.

Цель статьи сводится к выяснению основного содержания, особенностей и результатов нэпа на территории Филей и его окрестностей. Цель определила и основные задачи: проанализировать конкретное состояние сельского хозяйства, промышленности, мелкого кустарного производства, торговли, кооперативного движения, общественно-политической обстановки, образования, досуга.

Источниковая база работы состоит преимущественно из неопубликованных архивных материалов ЦГА г. Москвы и ЦГАМО. Делопроизводственный материал представлен постановлениями, отчетами, справками, перепиской, информационными сводками, которые подготовлены сотрудниками государственных учреждений и общественных организаций. Документы преимущественно готовились в Московском уездном исполнительном комитете (уик) и Козловском волостном исполнительном комитете (вик), а также в РК РКП(б) Московского уезда. Письменные источники свидетельствуют об отношении к нэпу со стороны местных властей и населения, о противоречиях, достижениях и трудностях по реализации намеченных планов российской модернизации 1920-х годов.

Территория Филевской местности включала такие населенные пункты, как село Фили-Покровское и деревня Фили (впервые упоминаются с 1620-х годов), поселок Первомайский (образован в конце 1920-х годов), а также Кутузовская слобода (возникла в начале XX в.). Селения входили в административное подчинение Козловской волости Московского уезда [6].

В 1925 г. в Филевской местности насчитывалось 1286 человек, а в 1928 г. – 1458. В деревне Фили в 1925 г. числился 731 житель, спустя три года – 603.

Численность населения в Кутузовской слободе в 1920-е годы колебалось от 218 до 318 человек. В поселке Фили-Покровское в 1925 г. насчитывалось 337 человек [7].

На Филях, кроме крестьян, проживали рабочие, служащие, лица творческих профессий, граждане из других губерний, купившие здесь земельные участки. В условиях массового переселения в Подмосковье незарегистрированных граждан СССР из различных районов, роста преступности, уклонения от уплаты налогов местные власти предпринимают меры по введению в дачных поселках и селениях вблизи Москвы обязательной прописки. Только в преобразованном из села поселке Фили-Покровское вместо учтенных 337 человек неофициально проживало более 1400. Вопрос о прописке был поставлен начальником милиции Московского

уезда Новиковым в октябре 1927 г. В июне 1928 г. были окончательно подготовлены списки дачных поселков с обязательной пропиской всех некоренных жителей. В Филевской местности таким дачным поселком были Фили-Покровское, а селением – деревня Фили [8].

Ведущее место в сельском хозяйстве крестьян Филей занимали картофелеводство, огородничество, садоводство, молочное животноводство. В условиях суглинистых малоплодородных почв полеводство здесь не имело

широкого распространения. Подобная сельскохозяйственная ориентация

была характерна для ближайших от Москвы селений. По этому поводу в одном из отчетов Козловского вик за 1923/24 гг. отмечается: «Крестьяне

в этих селениях преимущественно занимаются культивированием продуктов огороднических» [9].

Сельское население было недостаточно обеспечено землей, страдало от малоземелья. По данным 1922 г., в деревне Фили на 540 крестьян обоего пола приходилось 129 дес. пахотной земли, 37 дес. сенокосов и 3 дес. леса. На одного едока выходило 0,24 дес. земли. После столыпинской аграрной реформы 1906–1910 гг. крестьянские дворы относились к отрубному хозяйству, каждая семья владела собственным наделом земли, а сенокос, водоемы и лесной участок находились в общем владении сельского мира. Накануне массовой коллективизации доля крестьян составляла 40,6% от всего населения этой местности. За крестьянами числилось 371 дес. земли, 71 дес. сенных покосов и 28 дес. леса. На одного крестьянина выходило 0,47 дес. земли. По всем показателям пахотных угодий обеспеченность сельских жителей Филей землей была выше, чем в начале 1920-х годов: 211 дес. против 175 дес. в 1923/24 гг. Увеличение земельного фонда филевской общины связано с передачей части угодий и лесного массива бывших крупных землевладельцев села Фили-Покровское Гурьевых. В частности, из земельных владений И.Г. Гурьева в разные годы было изъято в пользу крестьян 103 дес. земли.

Крестьяне составляли 126 хозяйств и проживали в 157 избах. Абсолютное большинство жилых помещений (152 избы) были покрыты железом, а 5 – тесом. Все постройки, кроме одной каменной, были деревянными. Среди одноэтажных построек выделялись два двухэтажных дома, а три избы имели мезонины. В каменном домовладении Сусловой размещалось торговое заведение [10]. Размеры и состояние сохранности построек определяли их стоимость и имущественное положение крестьян. В среде филевских жителей наблюдалось заметное имущественное неравенство. Расчеты свидетельствуют о том, что одно хозяйство в среднем оценивалось в 1782 руб. Подобного рода дворы составляли 57 хозяйств (40,1%) и оценивались в общую сумму 79 055 руб. (31,2%); 42 (29,6%) хозяйства превышали средний размер стоимости жилых и хозяйственных построек (145 470 руб., или 57,4%). Среди них следует выделить дворы состоятельных филевских жителей П.В. Беляева и И.А. Маликова (стоимость построек – 5000 руб.), Ф.Ф. Виноградова (5100 руб.), Д.В. Французова (5100 руб.), А.М. Лысикова (7300 руб.), А.И. Сусловой (8100 руб.) и др.; 43 (30,3%) хозяйства были оценены меньше средней стоимости построек. Среди них выделялись 16 (11,3%) дворов, находящиеся на грани разорения; стоимость всех их построек оценивалась в 5350 руб. (2,2%) [11].

О состоянии скотоводства в 1920-е годы свидетельствуют следующие данные. В 1924 г. на 107 хозяйств деревни Фили выходило 85 лошадей и 120 коров. Без скота числилось 20 (18,7%) хозяйств, без лошадей – 20 (18,7%) и без земли 2

(1,9%). По данным на 1927/28 гг., 126 хозяйств имели 120 лошадей и 129 коров. В деревне безземельных дворов было 2 (2,4%), безлошадных – 19 (15,1%), бескоровных – 15 (11,9%) и без скота – 35 (27,8%). По сравнению с началом 1920-х годов в конце десятилетия заметно увеличивается число дворов без скота [12].

Новая экономическая политика признавала возможность существования многоукладного хозяйства и временного допуска частного капитала в экономику страны, но под жестким контролем государства. Подобная политика привела к возникновению и развитию после гражданской войны не только государственного и кооперативного, но и частного сектора в сфере кустарного производства и торговли.

Нэп создает благоприятные условия для развития в сельской местности Подмосковья мелкого кустарного промысла. По данным 1927 г., на Филях кустарным промыслом занималось 46 хозяйств (37,4% от всех хозяйств); здесь проживало 42 извозчика, 6 рабочих, 2 сапожника, 5 портных и по одному штамповщику и вязальщику. В поселке Фили-Покровское кустарным промыслом занимались 7 сапожников, 4 слесаря, 1 чертежник и 1 картузник. В Кутузовской слободе числились 6 замочников, 5 ломовых извозчиков, по одному шорнику, портному, бондарю и колбаснику. На оживление кустарного производства обращает внимание и местная администрация. В одном из отчетов Козловского вик за 1923/24 гг. указывалось: «С ведением нэпа наблюдается оживление кустарей. Крестьяне, живущие близ Москвы, в том числе в Мазилове, Давыдкове, Филях, Сетуни занимаются извозным промыслом» [13].

После гражданской войны начинают формироваться единые потребительские общества, объединяющие различные сферы услуг и торговли. Этот процесс затронул и Филевскую местность. В 1922 г. на Филях под названием «Пробуждение» было создано такое общество, снимавшее в деревне жилое помещение размером 38 кв. саженей. В его состав входили 331 человек, товарооборот достигал 209 790 руб., но годовая прибыль была незначительной и составляла 6751 руб. В целях повышения рентабельности кооператива Козловский вик в 1926 г. разрешил ему торговать пивом в местах отдыха населения и аннулировал задолженность по пени. Однако во время проверки в 1928 г. здесь была вскрыта недодача в сумме 11 000 руб.

По данным 1928 г., на Филях функционировали следующие кооперативы: «Фильская обувь» – артель, расположенная в частном доме по Красной улице, со штатом 10 человек; потребительское общество «Фильское» с численностью 75 человек; сельское крестьянское товарищество «Пахарь» в составе 27 членов. В Кутузовской слободе существовало потребительское общество Хамова и товарищество портных, которое объединяло 16 человек [14].

В Филевской местности в годы нэпа широкое распространение получили различные формы обслуживания населения в сфере общественного питания, торговли, благоустройства и быта. Были открыты государственные, кооперативные и частные столовые, чайные, булочные, овощные и продуктовые магазины и палатки. В сельскую округу мелкие торговцы поставляли галантерейные товары, продукты, дрова, фураж и т.п. Здесь открывались небольшие торговые точки. На Филях потребности населения удовлетворяли мелочная торговая лавка Ф. Виноградова с торговым оборотом в 15 000 руб. и доходом в 444 руб. и буфет

А. Ханоконского на железнодорожной станции «Фили», имеющий торговый оборот в 12 600 руб. и доход в 738 руб.

На Филях Моссельторг вел торговлю бакалейными и кондитерскими изделиями с денежным оборотом в 3424 руб., а Центроспирт открыл винный магазин. Кооперативам здесь принадлежали две бакалейные лавки и чайная с общим товарооборотом в 60 тыс. руб. Частный сектор осуществлял продажу продовольственных, кондитерских и иностранных товаров; ему принадлежала чайная и буфет при железнодорожной станции «Фили». Общий годовой товарооборот всех филевских торговых заведений в 1926–1927 гг. составил 204 554 руб. Ведущее место в нем занимала кооперативная торговля с товарооборотом в 132 130 руб. (64,6% от всего товарооборота), затем шла частная – 69 000 руб. (33,7%) и наконец государственная – 3424 руб. (1,7%).

В 1928 г. в изучаемой местности насчитывалось не менее шести торговых точек: две продуктовые лавки располагались при железнодорожной станции «Фили», три (столовая, бакалея и продуктовая) – при авиационном заводе № 22 и одна – продуктовая – в деревне Фили. Торговый оборот всех торговых заведений составлял 491 341 руб. с годовым доходом – 18 080 руб.

При Кутузовской слободе торговлю вели четыре магазина, которые продавали мелочные товары, мануфактуру, зелень, мясо, рыбу и т.п. Торговый оборот этих заведений составлял 79 тыс. руб. [15].

К концу 1920-х годов наблюдается заметное сокращение частного сектора в сфере обслуживания. Происходит отказ власти от массовой регистрации патентов с предпринимателями, резко увеличивается размер налогообложения коммерческого сектора. По данным 1926–1927 гг., в Филях

была закрыта развозная торговая деятельность 10 мелких торговцев, поставлявших в селения фрукты, мороженое, бакалею, галантерейный товар, фураж, керосин и т.п. Нередко предприниматели получали отказ в открытии торговых точек на Филях, особенно по продаже винно-водочной продукции. В частности, в 1926 г. Козловский вик отклонил заявку Мосцентрспирта, опасаясь распространения хулиганства и нарушения общественного порядка. Решением Филевского сельского совета была запрещена торговля пивом Акционерному обществу пивоварения в доме № 15 по Красной улице, так как не была оформлена заявка на аренду. Сокращение частной торговли продолжалось и в 1928–1929 гг. Из 109 предпринимателей, зафиксированных в Козловской волости, 59 (54,1%) прекратили торговые операции [16].

Жители Филей и поселка Фили-Покровское получали заметный доход от сдачи жилых помещений внаем. По данным 1925 г., из 145 семей 86 (59,3%) сдавали свои постройки для проживания рабочим, служащим, торговцам, лицам свободных профессий. Размер оплаты за наем зависел от типа постройки (летняя или зимняя), ее размера, численности квартирантов, их материального положения. Стоимость одной квадратной сажени снимаемой площади колебалось от 1 руб. 25 коп. до 5 руб. По неполным данным, подсчитано, что одна арендная сделка в месяц в среднем составляла 14 руб. 92 коп. За летний сезон дачники и торговцы платили до 92 руб. 14 коп. Выделялась одна арендная сделка в сумме 450 руб. в год под торговое заведение.

Граждане Филей практиковали как индивидуальные, так и коллективные сделки сдачи помещений в аренду. В отдельных домах проживало до 25 съемщи-

ков, работавших в Москве, Кунцеве и Филях. С таких квартирантов, проживавших в одной комнате, обычно брали 1 рубль в месяц с человека.

По сведениям местных властей, за 1927 г. из учтенных 126 хозяйств 100 (79,4%) дворов сдавали помещения под жилье, в том числе 30 – на постоянной основе и 70 – на сезонной [17].

В первые годы после гражданской войны общественная обстановка в западных предместьях Москвы носила противоречивый и неоднозначный характер. По этому поводу в информационной сводке Московской чрезвычайной комиссии от 2 ноября 1921 г. указывалось: «Общественное настроение крестьян неважное: отношение к РКП(б) и к политике – пассивное; крестьяне интересуются лишь теми действиями и распоряжениями властей, которые непосредственно затрагивают их личные интересы». По Козловской волости прямо отмечалось: «Настроение крестьян подавленное». С другой стороны, крестьянство с одобрением и надеждой встретило новую экономическую политику. На общем собрании представителей сельских советов Козловской волости в апреле 1921 г. было отмечено «введение натурального налога, как мера, которая даст возможность крестьянам поднять … сельскохозяйственный уровень» [18].

Политические настроения населения особенно четко находили свое выражение в период предвыборных кампаний в сельские, волостные и поселковые советы. Выборы являлись действительным показателем отношения крестьян и рабочих к политике Советского государства. Одним из критериев такого отношения является явка граждан на выборы в низовые органы представительной власти. К сожалению, сведения по явке избирателей на выборы сохранились по Филевской местности лишь за 1925 г. Явка избирателей по Филевскому сельскому совету составила 59,6% к общему числу избирателей. Большую активность на выборах проявляли рабочие авиационного завода фирмы «Юнкерс». Так, на собрании по выборам делегатов на волостной съезд советов в 1926 г. присутствовало 132 работника из 157, или 84% [19].

Относительно высокая явка избирателей (более половины электората) объясняется тем, что в условиях экономической стабильности в середине 1920-х годов более лояльным становится отношение селян к местной власти. В пригородных к Москве селениях жители позитивно восприняли преимущество нэпа в области сельского хозяйства, торговли и малого предпринимательства. В это время призыв Н. Бухарина «Обогащайтесь!» эффективно действовал среди значительной части крестьян.

По неполным и отрывочным данным установлено, что в 1920-е годы председателями Филевского сельского совета были С. Хохлов (1921 г.), Болденков (1924, 1925 и 1929 гг.), Ф.И. Блохин (1924 и 1925 гг.). За 1926 г. сохранились также списки членов правления сельского совета по деревне Фили и поселкового совета по поселку Фили-Покровское. Членами правления сельского совета деревни Фили были в основном коренные жители этого селения. Исключение составлял рабочий П.И. Маликов, купивший в деревне крестьянский дом. Филевский совет был беспартийным, все члены правления имели начальное образование. Возрастной состав колебался от 22 до 53 лет, а в среднем составлял 32 года. Наиболее опытными депутатами были Ф.М. Блохин и А.П. Игнатов, которые четыре созыва входили в состав сельского совета; пять человек впервые вошли в его состав. Члены правления поселкового совета в поселке Фили-Покровское в основном являлись работниками авиационного завода фирмы «Юнкерс». Из 11 членов и кандидатов в

члены правления пять человек были членами ВКП(б), а остальные – беспартийными. Средний возраст депутатов составлял 29 лет. Самому молодому члену совета рабочему С. Десницкому был 21 год, а старшим – рабочим А.Г. Тихонову и Э.М. Эльен – по 49 лет. Среди депутатов один имел высшее образование, двое – среднее и восемь – начальное.

Особенно активными в общественной жизни были рабочие авиационного завода фирмы «Юнкерс», взявшей его в концессию. В 1923 г. в работе съезда советов Московского уезда участвовали рабочие завода Вализер и Добровольский. Делегатами Козловского волостного съезда советов в 1926 г. были четыре представителя завода – Брюханов, Исаев, Лобов и Титов, который был избран в президиум съезда [20].

Об организации подготовки к выборам в местные представительные

органы свидетельствуют сохранившиеся протоколы заседания Филевской избирательной комиссии за 1928 г. Выясняется, что комиссия приняла важное решение о разукрупнении избирательных участков в поселке Фили-Покровское. Вместо двух избирательных участков – территории завода и поселка Фили-Покровское – был создан еще третий, вблизи фабрики «Москватоль». Подобная реорганизация позволяла тщательно готовить предвыборную кампанию. Выделялись особые уполномоченные и члены Филевского сельского совета и Филевско-Покровского поселкового совета по агитации среди молодежи, бедняков, женщин. В крестьянской среде деревни Фили пропаганду вели члены сельского совета Мосолов и Орлова, а в Кутузовской слободе – уполномоченный Малахов.

Были установлены даты и места проведения отчетно-перевыборных собраний. По Кутузовской слободе встречи с жителями были назначены на вечер 6 и 14 января 1929 г. Содержалась рекомендация «украсить помещения: вывесить плакаты с лозунгами для оповещения граждан».

В деревне Фили отчетное собрание было назначено на 3 января 1929 г., а выборное, с принятием наказов избирателей, – на 15 января. Собрания должны были проходить в клубе Воровского с сопровождением концерта участников художественной самодеятельности. В помещении клуба планировалось разметить информацию о работе Филевского сельского совета, регулярно выпускать предвыборную стенгазету с заметками «о значении выборной кампании».

По поселку Фили-Покровское выборные собрания прошли по трем избирательным участкам: 19 января 1929 г. – в клубе фабрики «Москватоль», 20 января – на территории поселка Фили-Покровское и 27 января – на авиационном заводе № 22 (бывший завод фирмы «Юнкерс»). Здесь собрания проходили в клубе Воровского [21].

Ситуация в Филевской местности, как и по всей стране, заметно обостряется в конце 1920-х годов. Напряженность обстановки происходила в условиях кризиса хлебозаготовок и свертывания нэпа. Наиболее четко это явление находило отражение в отношении селян к продовольственной, ценовой и налоговой политике государства. Кризис хлебозаготовок 1927/28 гг. привел к серьезной проблеме обеспечения населения продовольствием. Большие очереди за продуктами в окрестностях Москвы стали наблюдаться уже в январе 1929 г. В политическом обзоре административного отдела Московского уик за январь-март 1929 г. сообщалось, что на Филях у магазина потребительского общества «очереди стоят целый день, а хлеба часто не хватает». Аналогичное положение складывается в магазине

при фабрике «Москватоль», в котором в течение трех дней в продаже отсутствовал хлеб [22].

В марте 1929 г. в Подмосковье был введен особый порядок нормированной выдачи хлеба населению через продовольственные карточки – «заборные» книжки, которые выдавались через потребительские кооперативы. Селения Козловской волости не относились к зерновому району, хлеб здесь был привозным. В этой связи сельские жители также подлежали государственному обеспечению нормированным хлебом по «заборным» книжкам. Норма выдачи хлеба для селян первоначально составляла 350 г, но вскоре была понижена до 200 г. Снабжению не подлежали кулаки, зажиточные крестьяне, лица, лишенные избирательных прав и члены их семей. Такой порядок раскладки нормированного хлеба вызывал резкое недовольство крестьян, которое выражалось в различных формах. Жители Филей, протестуя против малой нормы выдачи хлеба, в ультимативной форме в декабре 1929 г. заявляли: «Если не увеличите паек, то при контракции ничего давать не будем» [23].

Немаловажное значение для крестьян имел вопрос о налоговой политике государства, которая определяла уровень их экономического развития и материального благосостояния. Налоговая политика советской власти исходила из партийной установки опоры на бедняка, поддержки середняка и наступления на кулака. На протяжении 1920-х годов беднейшие слои деревенского населения, как правило, облагались облегченным налогом или освобождались от него.

Основной объем налогового поступления давали середняки и особенно кулаки и зажиточные селяне. Это определяло различные политические настроения в деревне: от поддержки советской власти со стороны основной массы бедняков до враждебного отношения к ней кулачества. Настроение среднего крестьянства колебалось и определялось налоговой политикой государства на их хозяйственное положение.

В 1923 г. вводился новый единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН), который рассчитывался по доходу с земледелия и скота. Но в порядке сбора налога на 1926/27 гг. расчет дохода шел не только с земледелия и скота, но и с неземледельческих промыслов крестьян.

Во второй половине 1920-х годов в условиях кризиса хлебозаготовок и усиления борьбы против зажиточного крестьянства и кулачества заметно возрастают размеры налога. На Филях ЕСХН с 1925/26 по 1927/28 гг. увеличился с 1364 руб. до 6140 руб., то есть в 4,5 раза. Подобная динамика свидетельствует о неуклонном возрастании налога: в 1925/26 гг. он составлял 1364 руб., в 1926/27 – 2564 руб. (увеличился в 1,9 раза), а в 1927/28 гг. – 6140 руб. (увеличился в 2,4 раза). В ежегодных информационных сводках ОГПУ за вторую половину 1920-х годов по Московскому уезду постоянно сообщается, что, по мнению крестьян, налог «тяжел», «неправилен», «непосилен», «тяжело отражается на деревне» [24].

Особенно много споров и нареканий в крестьянской среде вызвал закон 1924 г. о добровольном самообложении домохозяина. Собранные средства планировалось направлять на благоустройство сельского общества (ремонт дорог, мостов и т.п.). На практике при самообложении применялся традиционный для сельской общины способ уравнительной раскладки денежных сумм по едокам и дворам. Так, 8 декабря 1927 г. общее собрание деревни Фили постановило собрать с хозяйств, имеющих рабочий скот, по 5 руб. с каждой лошади, а с безлошадных – по 2 руб. От обложения освобождались только беднейшие дворы, семьи красно-

армейцев и вдовьи дома. Хотя законодательством при самообложении должен быть учитываться принцип экономической мощности хозяйства крестьянина, он не соблюдался. По этому поводу на заседании Козловского вик от 26 сентября 1927 г. отмечалось, что в сельских обществах «ни о каких классовых принципах не рассуждают и “стригут всех под одну гребенку”. Да и к тому же, и такие случаи есть, когда середняк не платит, а бедняк платит» [25].

В январе 1928 г. законодательным путем вводился принцип обязательного

самообложения крестьян при сохранении классового подхода к сбору денежных средств. Но такой подход вызывал недовольство в крестьянской среде, особенно возмущалась зажиточная и кулацкая прослойка, требующая уравнительного обложения. Используя свою хозяйственную мощь, они нередко, оказывая давление на сельские советы, пытаются переложить основную сумму самообложения на маломощные середняцкие и бедняцкие хозяйства. В 1928 г. подобное явление, получившее широкую огласку в Козловской волости, наблюдалось в деревне Фили. По этому делу сохранился интересный архивный материал. 10 мая 1928 г. уполномоченные от деревни Фили обратились в Козловский вик с жалобой на незаконные действия сельского совета при распределении самообложения. Для выяснения обстоятельств в Фили был направлен инструктор И.П. Денисов. Выяснилось, что сельским советом 19 марта 1928 г. была утверждена сумма самообложения в размере 5210 руб. Находясь под влиянием зажиточных крестьян, 27 марта общее собрание отказалось утверждать денежную сумму раскладки и список плательщиков. Было решено избрать комиссию по составлению нового списка раскладки. В ее состав в основном вошли зажиточные крестьяне и крепкие середняки. В своей докладной записке инструктор, основываясь на показаниях жителей, дал характеристику каждому из состава этой комиссии. Среди членов комиссии выделялись А.Н. Блохин, имеющий купленную землю, А.А. Блохин, сдающий землю в аренду, А.П. Хохлов, имеющий в собственности три дома, М.С. Разбегаев, крепкий середняк, А.Ф. Филатов, поселившейся в деревне и купивший здесь два дома.

Комиссия пересмотрела окладные списки плательщиков, снизив суммы платежа одним и увеличив их другим. В частности, были обложены те крестьяне, которые не платили ЕСХН (А.В. Скачков, В.В. Французов и др.). По мнению многих жителей, «политика комиссии сводилась к тому, чтобы за счет бедняков и середняков уменьшить свой пай». Уполномоченные подали жалобы и в прокуратуру. По мнению инструктора, в деревне идет травля отдельных членов сельского совета, которые твердо стоят за незаконные действия комиссии. Заключения И.П. Денисова сводились к следующему: утвердить список плательщиков, составленный первоначально сельским советом, распустить комиссию, отменить подготовленную комиссией раскладку самообложения. Кроме того, в заключение предлагалось вывести из состава сельского совета М.С. Ястребова и привлечь его к уголовной ответственности за незаконную (скрытую) аренду земли и дезорганизацию работы правления совета. По этому докладу Денисова 31 мая 1928 г. Козловский вик принимает развернутое решение о проведении сплошной проверки всех сельских советов на предмет соблюдения законности при организации самообложения [26].

Местные власти уделяют внимание созданию благоприятных условий на Филях в области быта и услуг. Сферы банковского, почтового, телеграфного и телефонного обслуживания находились в непосредственном ведении государства.

На Почтовой улице поселка Фили-Покровское находились сберкасса № 76 и почтовое отделение. В штате числилось четыре служащих во главе с заведующим Андреевым. В среднем в месяц до адресата доставлялось 266 корреспонденций, преимущественно заводу фирмы «Юнкерс» (с 1927 г. завод № 22). В отдельные годы годовой объем корреспонденции достигал 15 557 писем. Рассылке подлежали не только письма, но и подписные издания для 400 абонентов. Попытки организовать розничную продажу периодической печати не удались. В соответствии с наказами местных жителей в 1926/27 гг. при почте были установлены телеграф и один телефон-автомат.

Сберкасса выполняла денежные операции в небольших объемах. В 1925 г. общая сумма вкладов составляла 13 881 руб., а в 1928 г. – 7148 руб. Среди вкладчиков крестьян не было; местные жители предпочитали вкладывать свои сбережения в сберкассы Москвы, полагая, «что там больше тайны». С июня 1927 г. почтовое отделение в Филях становится филиалом почтового отделения в Кунцеве [27].

Крайне медленно в Филях решались проблемы транспортных услуг. До середины 1920-х годов жители Филей и Кутузовской слободы пользовались извозным и железнодорожным транспортом с остановками на платформах «Фили», «Кунцево» и «Кутузово». В 1925 г. от площади Свердлова до Сетуни был открыт первый автобусный маршрут № 2.

В 1920-е годы практически не изменилось медицинское обслуживание населения, заложенное здесь еще в дореволюционное время. Но этот вид сервиса обновляется и расширяется. На Филях при местной больнице действовали хирургическое, родильное и тифозное отделения на 10 мест; имелась амбулатория для приема больных. Медицинский персонал состоял из 10 человек, которые проживали при больнице или снимали помещение у местных жителей. Больница и амбулатория обслуживали жителей Филей и работников авиационного завода. Но все постройки были возведены на рубеже Х1Х–ХХ вв. и нуждались в ремонте. Здания размещались друг от друга на расстоянии 0,5 км. За 1926 г. на приеме было 9672 пациента, а в первой половине 1927 г. – 7000. Население обеспечивалось медикаментами через три частные аптеки, расположенные в Кунцеве [28].

Советское государство большое внимание уделяло образовательному сервису – ликвидации неграмотности, развитию начального и среднего образования. Но нехватка средств на образование вела к некачественному обучению, второгодничеству, недостатку учебных пособий, школьных принадлежностей и учебных классов. Все эти недостатки проявлялись при организации учебного процесса и в школах на Филях. Здесь слабо реализовывался в жизнь Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 14 августа 1923 г. о ликвидации неграмотности к 1927 г. Школа ликбеза существовала в клубе «Заря» (впоследствии клуб имени Воровского) при авиационном заводе фирмы «Юнкерс» (бывший «Руссо-Балт»). Но группа была малочисленна, часть записавшихся слушателей уклонялись от учебы, мотивируя это, как правило, семейными обстоятельствами [29].

В начале 1920-х годов в Филях было две школы 1-й (начальное 4-летнее образование) и 2-й (9-летнее образование) ступени. В 1923–1924 гг. школа 2-й ступени была упразднена. Окончившие 1-ю ступень могли поступить в школу 2-й ступени. В 1925 г. школа на Филях подала заявку на 22 ученика с ходатайством перевода их в школу 2-й ступени в Кунцеве. Судя по списку, это были дети рабочих завода фирмы «Юнкерс», но среди них числились два ученика местных жите-

лей – Сергей Глаголев и Николай Гужеедов. Школа располагалась в двухэтажном кирпичном здании 1903 г. постройки, вблизи храма Покрова в Филях. По данным 1926 г., в школе насчитывалось семь учебных комнат и один кабинет с освещением, общей площадью 425 кв. м. Здание имело водопровод, водяное отопление, вентиляцию. Обучение велось в семи группах общей численностью в 205 учеников. В основном это были дети рабочих (88 учеников), крестьян (61), служащих (38), кустарей (10), батраков (8). В 1928 г. в школе была образована специальная группа для отсталых детей и подростков. Возраст учащихся колебался от 8 до 14 лет. Учеба шла в первую смену. Школьные завтраки приобретались за счет родительских средств. Со школьниками велись практические занятия по труду на токарных станках и слесарных верстаках. Книжный фонд состоял из 609 книг, в том числе для учеников имелось 240 учебников. Однако все эти изменения и нововведения в школе были проведены после публикации в декабре 1926 г. в газете «Беднота» статьи «Меня не касается», в которой руководство школы обвинялось в бездействии при подготовке к учебному году, как то: отсутствие отопления, учебной литературы, неприглядный вид учебных классов и вспомогательных помещений. Под свой контроль дело взял помощник прокурора Московского уезда.

В 1920-е годы в школе в разное время преподавали семь учителей, в том числе Ф. Прокофьева, Никифорова, Хвипец; заведующими назначались Ф. Нечаева и В. Иванова. Оплата учителя составляла 40 руб. в месяц и являлась средней по Московскому уезду. В школе вели занятия бельгийские и немецкие специалисты, работающие на соседнем авиационном заводе фирмы «Юнкерс». При школе был образован совет, в состав которого в разные годы входили в основном работники местного завода – В. Бородулин, М. и В. Малинины.

В первые годы после гражданской войны и разрухи школы на Филях существовали за счет финансовой поддержки авиационного завода. В 1923 г. на весь учебный процесс и содержание школ завод выделил 6000 руб., а Козловский вик — 113 руб. в новом денежном исчислении. В последующие годы филевская школа содержалась за счет государственного бюджета и шефской помощи местного предприятия [30].

Волостная сельская власть уделяла внимание и благоустройству филевской территории – электрификации, ремонту дорог и мостов, контролю над санитарным состоянием окружающей среды. Особенно остро в Козловской волости стоял вопрос об электрификации района. 14 апреля 1923 г. Московский уик принимает решение о подготовке сметы по электрификации поселков и ближайших от них селений Козловской волости. Начинается прокладка высоковольтной линии через Фили и Кунцево, на пересечении Можайского и Рублевского шоссе сооружается подстанция с трансформатором. Ток подается в советские и государственные учреждения, клубы, предприятия, жилые дома. Однако процесс электрификации Филей, Кунцево и их окрестностей затянулся, особенно в частные домовладения. К 1927 г. ток был подан только в 62 двора филевских жителей. В 1927 г. в наказах граждан поселка Фили-Покровское своим депутатам содержалось требование скорейшего завершения электрификации домов. Медленный процесс освещения частных домов объяснялся высокой стоимостью внутренней проводки электричества, большими тарифами по оплате израсходованного электричества. Стоимость одной лампочки в то время составляла 10 руб. Завершение подачи тока в филевскую местность относится к концу 1920-х – началу 1930-х годов [31]. Делаются попытки благоустроить местность вокруг речки Фильки. В комиссии по благоустройству и здравоохранению при Филевском сельском совете в марте 1927 г.

было решено «бороться с загрязнением берега речки отбросами; обязать граждан устраивать помойки, провести санитарное обследование частных и общественных колодцев». В 1929 г. Козловский вик выделил 400 руб. на ремонт моста через Фильку [32].

После двух кровопролитных войн среди населения заметно увеличивается желание к физическому и духовному отдыху. Советские и партийные органы начинают активно пропагандировать и развивать коллективные виды досуга и отдыха. Одним из центров такого досуга на Филях являлся заводской клуб «Заря» (впоследствии клуб имени Воровского) и окружающий его парк отдыха. В клубе имелась библиотека, организовывались спектакли, читались лекции, показывались фильмы «Красные дьяволята», «Банда атамана Кныша» и др. Стоимость билета составляла 60 коп., но в период государственных политических праздников вход был свободным. Посетителями клуба были как рабочие, так и крестьяне окрестных селений. В клубе основу коллективного досуга составляли самодеятельный театр, музыкальная, хоровая и драматическая студии. Состав студий в основном формировался из заводских служащих и технической интеллигенции, а художественными руководителями были профессиональные работники из Пролеткульта. Партийная ячейка авиационного завода контролировала работу клуба, направляя ее в нужное идеологическое русло. В январе 1924 г. между правлением клуба и партийной организацией завода возник конфликт по поводу постановки спектакля во время Рождества. Партийная ячейка требовала не ставить спектакль в этот день, но правление проигнорировало этот совет. По этому поводу в протоколе парторганизации было записано: «требовать, чтобы в будущем решение бюро не игнорировали».

Клубом руководило выборное на общем собрании правление, состоявшее из представителей партии, завкома, комсомола, женского актива и беспартийных. В 1924 г. правление составляли восемь человек, представлявших различные общественные организации завода. Каждые 6 месяцев правление отчитывалось перед общим собранием.

В середине 1920-х годов при фабрике «Москватоль» открывается клуб. Сведений о его работе в это время практически нет. Известно, что в нем проходили предвыборные собрания местных жителей и рабочих.

Постепенно оживает общественная жизнь вблизи Кутузовской слободы. В 1920 г. был освящен храм Михаила Архангела (бывший музей-часовня имени Кутузова), образуется общество прихожан. Восстанавливает свою работу музей «Кутузовская изба», активно занимаясь комплектованием и популяризацией экспонатов эпохи Отечественной войны 1812 г. Но в 1929 г. в связи с обострением общественно-политической ситуации и новой волной борьбы с религией храм и музей были закрыты [33].

В первые годы после гражданской войны постепенно восстанавливается производство на предприятиях, расположенных в Филях. К началу 1920-х годов бывший недостроенный автомобильный завод «Руссо-Балт», основанный на Филях в 1916 г., по-прежнему находился в стадии восстановления и введения в эксплуатацию. В августе 1921 г. Совет Труда и Обороны РСФСР принимает решение о подчинении завода военному управлению РККА для ремонта бронетанковой техники. Предприятие получает название – 1-й бронетанково-автомобильный завод, а руководителем назначается И.С. Оленчук, командовавший в годы гражданской войны бронепоездом. Перед дирекцией была поставлена задача не только ремон-

тировать бронетехнику, но и наладить выпуск новых автомобилей. 8 октября 1921 г. были выпущены первые пять автомобилей марки «Руссо-Балт». Однако поточный выпуск автомобилей на заводе так и не был налажен: не хватало техники, квалифицированных рабочих кадров и специалистов, производственного опыта. В это время численность работавших на предприятии составляла 660 человек, в том числе 580 рабочих и 80 работниц [34].

В конце 1922 г. советское правительство принимает решение о переориентации завода на строительство самолетов. В связи с отсутствием материально-технической базы в России в январе 1923 г. Совет народных комиссаров утверждает договор о передаче завода в концессию немецкой авиационной фирме «Юнкерс» из Дессау. Договор, рассчитанный на 30 лет, предполагал выпуск цельнометаллических самолетов и моторов к ним. Планировалось к 1925 г. наладить производство 300 самолетов и 450 авиадвигателей в год, построить литейную мастерскую. Фирма обязывалась к середине 1923 г. завести запас дюралюминия, позволяющий построить 750 самолетов и 1125 моторов. Половина продукции продавалась советской стороне по среднеевропейской цене, а за границу – по свободной, но с отчислением России 5–8% от прибыли. Завод обеспечивался импортным оборудованием, немецкими квалифицированными кадрами специалистов и рабочих, но не более 50% от общего состава работающих. Фирма обязывалась создать конструкторское бюро и организовать обучение рабочих и инженерно-технических кадров завода новым методам производства и освоения техники. Директором от фирмы был доктор Шуберт, его заместителем – доктор Отто Гесслер. Функции технического директора исполнял Пауль Шпалек, а главного инженера – Шаде [35].

На завод стали поступать импортные станки и оборудование, немецкие специалисты и рабочие, в Филевской пойме строится аэродром. За первые два года концессии было выпущено 50 гидросамолетов Ю-20 и Ю-21. Первый самолет взлетел над Москвой-рекой в ноябре 1923 г. В 1924 г. на Ю-20 летчик Борис Чухновский совершил первый полет над Арктикой. Но на авиационном заводе в Филях производилась только сборка самолетов, а комплектующие детали поступали из Германии. С немецкой стороны допускались нарушения основных положений концессии. К сроку не было запущено литейное производство, резервный запас дюралюминия отсутствовал, не было налажено серийное производство самолетов, а качество выпущенных машин постоянно требовало технического контроля и доработки, так и не было открыто конструкторское бюро. Из-за нарушения техники безопасности 24 апреля 1923 г. на территории завода произошел пожар, вызванный взрывом перекиси натрия. При тушении пожара пострадали и были госпитализированы шесть человек, в том числе директор И.С. Оленчук [36].

В 1925–1926 гг. фирма «Юнкерс», испытывая финансовые затруднения, начинает свертывать производство на заводе. Постепенно оборудование и производственные корпуса разрушались. Руководство фирмы начинает сокращать численность немецких и советских рабочих. По официальным данным к концу 1925 г. из 1100 рабочих на заводе числилось всего лишь 200 человек. Факты ограничения фирмой производства неоднократно отмечали контролирующие организации – Рабоче-крестьянская инспекция, Управление военно-воздушных сил РККА, Главный концессионный комитет. В отчетных документах указывалось: «Завод на Филях … сохраняется очень скверно: в цехах лежит снег сугробами, станки ржавеют, самолеты с каждым месяцем теряют свою ценность, так как они перевозятся с места на место, разбираются и собираются» [37].

В 1925–1926 гг. Главный концессионный комитет проводит описание производственного и бытового состояния завода. Выясняется, что под производственные помещения было занято 8370 кв. саженей, а под хозяйственные – 752. В 38 жилых домах, расположенных в бывшей усадьбе Шелапутиных, проживали рабочие и служащие завода. Бытовые условия жителей были крайне ограничены: дома были летней постройки, требовали ремонта, обогревались «буржуйками», лишь отдельные из них имели печное отопление, электричество, канализацию и водопровод. На территории завода проживал 141 безработный [38].

Вопросы о состоянии дел на заводе в Филях нередко рассматривались на заседаниях Политбюро ВКП(б). В выступлениях докладчиков выдвигалось предложение о прекращении концессии фирмы «Юнкерс» на заводе в Филях. Одновременно ставился вопрос об организации самостоятельного отечественного самолетостроения. 5 февраля 1927 г. на заседании Политбюро ВКП(б) окончательно был решен вопрос о ликвидации концессии фирмы «Юнкерс» на этом заводе. 1 марта 1927 г. договаривающиеся стороны пришли к обоюдному согласию о расторжении договора № 1 от 1922 г. Фирма «Юнкерс» получила право вывезти оборудование, поставленное в СССР из Германии, детали к самолету ЮГ-1, конструкторскую документацию и техническую литературу [39].

История концессии фирмы «Юнкерс» на Филях имела и политические последствия. ОГПУ обвинила директора Шуберта, в прошлом кадрового контрразведчика, в шпионаже. Начальник концессионного отдела Управления военно-воздушных сил СССР Г.К. Лино, юрисконсул Перетерский и др. были обвинены во взяточничестве, в закупке авиационного оборудования по завышенной цене и в передаче за границу секретной информации. Решением коллегии ОГПУ от 9 мая 1927 г. они были расстреляны [40].

После ликвидации договора с фирмой «Юнкерс» на базе завода в Филях в октябре 1927 г. формируется авиационный завод под № 22 имени «10-летия Октября». Начинается активное восстановление завода. Численность рабочих к концу 1927 г. выросла до 400 человек. Обновленный завод был открыт 2 ноября к десятилетию Октября.

Под руководством директора Ф.С. Малахова удалось сформировать коллектив талантливых конструкторов и технологов. Администрация завода создает собственное конструкторское бюро во главе с С.П. Горбуновым. На заводе начинали свою трудовую деятельность будущие выдающиеся ученые, академики С.П. Королев и Б.Е. Черток. В 1928 г. были проведены опытные испытания, а затем и серийное производство военных самолетов Р-1, Р-6, И-4 и ТБ-1. Первыми испытателями указанных моделей были Я.Н. Моисеев и П.И. Лозовский. Улучшаются и бытовые условия рабочих. В 1927 г. началось строительство поселка с четырехэтажными домами со всеми удобствами. Поселок получил название «Первомайский» [41].

В рассматриваемый период рабочие завода нередко проявляли недовольство и возмущение постоянным сокращением кадров, нерегулярной выплатой заработной платы, плохими условиями труда и быта, грубостью мастеров. В отдельных случаях дело доходило до прекращения работы и выдвижения своих требований. В связи с предстоящим увольнением 17 мая 1922 г. рабочие прекратили работу. Администрация, стремясь смягчить напряженную обстановку в рабочей среде, решила выдать заработную плату и отпускные за две недели вперед. В ноябре 1922 г. среди заводчан ходили упорные слухи о передаче завода в концессию зарубежной фирме. Действительно, в это время шли интенсивные переговоры советской стороны с немецкой фирмой «Юнкерс». В информационной свод-

ке ГПУ сообщалось: «Против этой передачи настроены как рабочие автозавода, так и завком с партбюро РКП(б)».

Факты недовольства на заводе были отмечены и в период концессионного правления заводом фирмой «Юнкерс». В сентябре 1924 г. рабочие выразили недовольство администрации по поводу невыплаты заработной платы за вторую половину августа. Кроме того, они указали на грубое обращение с ними немецких мастеров, несправедливый характер найма на работу, когда в практику входил принцип приема только беспартийных.

В октябре 1924 г. рабочие предъявили требования администрации об улучшении бытовых условий и обвинили ее в бездействии при организации ремонтных работ в пяти производственных корпусах.

В октябре 1926 г. среди рабочих вновь возникло беспокойство по поводу предстоящего сокращения рабочих кадров. В сентябре 1928 г. на заводе была обнаружена листовка, содержащая требование возвращения Троцкого из ссылки в Москву. Листовка была подписана: «Большевики – ленинцы / оппозиция ВКП(б)».

Трудовой люд замечает, что на протяжении 1920-х годов заметно растет имущественное неравенство между руководящим составом предприятий и рабочим классом. Это дает основание рабочим, проживающим в заводском поселке Фили-Покровское, с горечью заявлять: «Хозяин в штиблетах, а нам валенок не достать, и сапог нет, живем, как в последние минуты». Неоднозначным было отношение рабочих к созданным в 1920-е годы кооперативам, предназначенных обеспечивать население продуктами и товарами. В этом плане резкой критике со стороны рабочих подвергался заводской кооператив «Первомайский». Судя по сводкам ОГПУ за 1929 г., рабочие жаловались на отсутствие в продаже мясных продуктов, обсчеты продавцами покупателей, нарушение правил ведения «заборных» книжек [42].

Вблизи Кутузовской слободы располагались несколько средних и мелких предприятий: химическая фабрика Эфроса (бывшая фабрика Кузьмичевых, основанная в конце 1870-х – начале 1880-х годов), гвоздильно-проволочная мастерская братьев Черняевых и мастерские Форман по производству бетонных изделий. Среди них до революции производственной мощностью выделялась фабрика Эфроса. Но в первые годы после гражданской войны она была законсервирована. Летом 1924 г. предприятие вновь открылось под названием «Москватоль». В 1928 г. здесь работало 198 рабочих, производивших толь, рубероид, мастику, нафталин, колесную мазь на сумму в 1 млн руб. в год [43].

Как ни странно, но в Кутузовской слободе до 1929 г. продолжало существовать частное гвоздильно-проволочное предприятие Черняевых. Объясняя причину подобного необычайного явления (все предприятия были национализированы еще в период «военного коммунизма»), местные власти указывали на то, что это было «простой случайностью и невнимательностью лиц, производивших изъятие в момент первой национализации». На предприятии числилось 20 рабочих. В июле 1929 г. завод был сдан в аренду промышленно-кооперативному товариществу «Металлопроизводство» на четыре года. Планировалось ежемесячно выпускать гвозди и проволоку объемов в шесть тонн [44].

Недалеко от этого предприятия расположились мастерские «Форман». В 1926 г. мастерские были сданы в аренду на 12 лет Госпромстрою и были ориентированы на производство изделий из бетона – труб, плит, колес. Предприятие име-

ло четыре каменных производственных корпуса, кузницу, котельною, бытовые постройки. В нем трудились 84 рабочих [45].

Итак, рассмотренный материал свидетельствует о сложной и противоречивой жизни граждан филевской местности. Нэп принес определенную свободу в хозяйственной жизни крестьянства, подъем экономики и культуры района. Но в конце 1920-х годов наблюдается свертывание основных признаков новой экономической политики, особенно в административно-командной, хозяйственной и финансовой сфере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гимпельсон Е.Г. Нэп и советская политическая система в 20-е годы. – М.: ИРИ РАН, 2000; Павлюченков С.А., Аманжолова Д.А. и др. Россия нэповская. – М.: Новый хронограф, 2002.
2. Грик Н.А. Советская политика цен и деревня в условиях нэпа (1921–1927 гг.) // Вестник ТГУ. – 2003. – № 276. – С. 98-106; Борисова Л.В. Забастовочное движение в советской России в первой половине 1920-х гг. в зеркале архивных фондов // Отечественные архивы. – 2009. – № 2. – С. 51-59; Миловидова Н.В. Российская повседневность в условиях нэпа: жизнь между «Традицией» и «Новацией» // Вестник КГУ. – 2015. – № 5. – С. 32-35.
3. Ковалев Д.В. Подмосковное крестьянство в переломное десятилетие 1917–1927. – М.: Прометей, 2000; Лозбенёв И.Н. Экономика и политика в Подмосковье в 20-е и 90-е годы XX века. – М.: ГГУ, 2003; Камардин И.Н. Забастовки на государственных предприятиях Среднего Поволжья в 1918– 1929 гг. – Пенза: ПГУ, 2004.
4. Орлов И.Б. Нэп: современные дискуссии и перспективы изучения // Российская государственность: опыт 1250-летней истории: – М.: ИРИ РАН, 2013. – С. 387-395; Дашков Р.А., Егоров Г.В., Сомов В.А. Проблемы изучения нэпа (1921–1929 гг.) в современной отечественной историографии // Известия ВГПУ. – 2016. – № 7 (111). – С. 146-150.
5. Прохоров М.Ф. Из истории Кутузовской слободы в 1900-е – 1930-е годы // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. – М.: ЦГА Москвы, 2014. – С. 129-163; Прохоров М.Ф. Общественно-политическое настроение крестьян Западного Подмосковья в годы нэп // История Московского края. Проблемы исследования, новые материалы. – М.: МГОУ, 2018. – С. 193-208.
6. Центральный государственный архив Московской области (далее – ЦГАМО). Ф.966. Оп.1. Д.1795. Л.42об; Ф.2157. Д.5. Л.76; Из истории административно-территориального деления Москвы. 1917–1975. Приложение. – М., 1976. – С. 39-40.
7. ЦГАМО. Ф.744. Оп.1. Д.236. Л.216; Д.289. Л.61,149; Ф.804. Оп.1. Д.193. Л.106-106 об.; Д.222. Л.25-63; Д.263. Л.13,25,60.
8. ЦГАМО. Ф.744. Оп.1. Д.694. Л.53,82-83.
9. ЦГАМО. Ф.744. Оп.1. Д.265. Л.151.
10. ЦГАМО. Ф.804. Оп.1. Д.222. Л.25-63; Ф.805. Оп.1. Д.209. Л.2-24.
11. ЦГАМО. Ф.804. Оп.1. Д.118. Л.2-22.
12. ЦГАМО. Ф.804. Оп.1. Д. 263. Л.45,60.

13. ЦГАМО. Ф.744. Оп.1. Д.265. Л.151; Ф.804. Оп.1. Д.188. Л.19,43-44,51.
14. ЦГАМО. Ф.744. Оп.1. Д.359. Л.13; Ф.804. Оп.1. Д.195. Л.63; Д.263. Л.5; Д.265. Л.8-13
15. ЦГАМО. Ф.804. Оп.1. Д.199. Л.1-5; Д.284. Л.6.
16. ЦГАМО. Ф.744. Оп.1. Д.199. Л.1-7; Д.359. Л.63; Д.489. Л.315-315об.,364; Ф.804. Д.222. Л.2,25-63; Д.285. Л.5-15.
17. 17.ЦГАМО. Ф.804. Оп.1. Д.118. Л.2-22; Д.222. Л.25-63.
18. Центральный государственный архив г. Москвы. Отдел хранения документов общественно-политической истории Москвы (далее – ЦГА Москвы. ОХДОПИМ). Ф.3. Оп.2. Д.49. Л.196; ЦГАМО. Ф.744. Оп.1. Д.82. Л.20-20об.
19. ЦГАМО. Ф.744. Оп.1. Д.409. Л.151,178.
20. 20.ЦГАМО. Ф.744. Оп.1. Д.34. Л.131,170; Д.172. Л.62; Д.482. Л.26.
21. 21.ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.1. Л.67,92,105,149.
22. ЦГАМО. Ф.65. Оп.3. Д.41. Л.109; Ф.4999. Оп.1. Д.13. Л.13об.
23. ЦГАМО. Ф.4999. Оп.1. Д.13. Л.87.
24. ЦГАМО. Ф.804. Оп.1. Д.193. Л.10.
25. ЦГАМО. Ф.744. Оп.1. Д.519. Л.43-43об.,51об.
26. ЦГАМО. Ф. 744. Оп.1. Д. 599. Л.80-83.
27. ЦГАМО. Ф. 744. Оп.1. Д. 489. Л.310-311; Д599. Л.83.
28. ЦГАМО Ф.744. Оп.1. Д.265. Л.152; Д. 489. Л.236,265,280.
29. ЦГА Москвы. ОХДОПИМ. Ф.126. Оп.1. Д.29. Л.35-37.
30. ЦГАМО. Ф.744. Оп.1. Д.197. Л.18,25; Д.265. Л.152; Д.489. Л.26,43,121-122,263,268; Ф.804. Оп.1. Д.263. Л.25-69,84; Ф.4424. Оп.1. Д.2. Л.65; Д.82. Л.43; Д.334. Л.54.
31. ЦГАМО. Ф.744. Оп.1. Д.192. Л.49; Д.359. Л.22,27; Д.740. Л.239-246.
32. ЦГАМО. Ф.744. Оп.1. Д.484. Л.113; Д.489. Л.120.
33. ЦГА Москвы. ОХДОПИМ. Ф.126. Оп.1. Д.29. Л.17, 29-30; Д.89. Л.77; ЦГАМО. Ф.4424. Оп.1. Д.12. Л.46; Прохоров М.Ф. Из истории музея «Кутузовская изба» в 1920-е годы // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. – М.: Калита, 2001. – С. 211-221.
34. ЦГА Москвы. ОХДОПИМ. Ф.126. Оп.1. Д.29. Л.30; Все для Родины. 1996. 25 дек.
35. 35.Колистка В.В. Секретный завод в Филях [Электронный ресурс] // nvo.ng.ru/history/2001-98-1715 (дата обращения: 23.12.2020).
36. ЦГАМО. Ф.191. Оп.1. Д.62. Л.105; Все для Родины. 2006. 27 окт.
37. Советское военно-промышленное производство. 1918–1926: Сб. док-тов. – М.: Новый хронограф, 2005. – С. 548-550.
38. ЦГАМО. Ф.804. Оп.1. Д.108; Д.148. Л.11-12.
39. Хромов С.С. Иностранные концессии в СССР. Ч.2. – М.: Изд-во ИРИ РАН, 2006. – С. 162-168.
40. Олег Мозохин. Крах агента Лукашевкера. Противодействие ОГПУ экономическому шпионажу // Родина. – 2011. – № 5. – С. 24-25.
41. Черток Б.Е. Ракеты и люди. Фили, Подлипки, Тюратам. – М.: Машиностроение, 1999; Вперед. 1932. 24 октября; Все для Родины. 2006. 27 октября; Аэродром в Филях [Электронный ресурс] //flydreams.ru/blog/2008/05/04 (дата обращения: 23.12.2020); Кто создал авиапромышленность в СССР? [Электронный ресурс] // is 2006. live journal.com/ 1872728 htm (дата обращения: 23.12.2020).

42. ЦГА Москвы. ОХДОПИМ. Ф.3. Оп.3. Д.34. Л.135об.; Оп.5. Д.47. Л.164 об.-167; Оп.7. Д.57. Л.369; Оп.9. Д.80. Л.4; ЦГАМО. Ф.65. Оп.3. Д.41. Л.322; Ф.4999. Оп.1. Д.13. Л.87.
43. Прохоров М.Ф. Из истории Кутузовской слободы… С. 150-152.
44. ЦГАМО. Ф.744. Оп.1. Д.725. Л.21; Ф.2295. Оп.1. Д.145. Л.1-4.
45. ЦГАМО. Ф.744. Оп.1. Д.344. Л.4; Д.581. Л.18; Ф.2295. Оп.1. Д.57. Л.3,6,34-37.

REFERENCES

1. Gimpelson E. G. Nep and the Soviet political system in the 20s. Moscow: IRI RAS, 2000; Pavlyuchenkov S. A., Amanzholova D. A. et al. Russia nepovskaya, Moscow: Novy khronograf, 2002.
2. Grik N. A. Sovetskaya politika tsen i derevnya v usloviyakh nepa (1921-1927). Vestnik TSU. - 2003. - No. 276. - pp. 98-106; Borisova L. V. The strike movement in Soviet Russia in the first half of the 1920s in the mirror of archival funds. Otechestvennye archivy. - 2009. - No. 2. - pp. 51-59; Milovidova N. V. Russian everyday life in the conditions of NEP: life between "Tradition" and "Innovation". Vestnik KSU. 2015. No. 5. pp. 32-35.
3. Kovalev D. V. Podmoskovnoe peasantry in the critical decade of 1917-1927. Moscow: Prometey, 2000; Lozbenev I. N. Economy and politics in the Moscow region in the 20s and 90s of the twentieth century. Moscow: GSU, 2003; Kamardin I. N. Strikes at state enterprises of the Middle Volga region in 1918-1929. Penza: PSU, 2004.
4. Orlov I. B. Nep: modern discussions and prospects of studying. Russian statehood: the experience of 1250-year history: Moscow: IRI RAS, 2013. pp. 387-395; Dashkov R. A., Egorov G. V., Somov V. A. Problems of studying NEP (1921-1929) in modern Russian historiography. Izvestiya VSPU. 2016. № 7 (111). Pp. 146-150.
5. Prokhorov M. F. From the history of Kutuzovskaya Sloboda in the 1900s-1930s Epoch of the Napoleonic Wars: people, events, ideas. M.: CGA of Moscow, 2014. p. 129-163; Prokhorov M. F. Socio-political mood of the peasants of the Western Moscow region in the years of NEP. History of the Moscow region. Research problems, new materials. M.: MGOU, 2018. P. 193-208.
6. Central state archive of Moscow region (further – CSAMR). F. 966. Op.1. D. 1795. L. 42об; F. 2157. 5. L. 76; From the history of administrative-territorial division of Moscow. 1917–1975. Appendix. M., 1976. p. 39-40.
7. Central state archive of Moscow region (further – CSAMR).. F. 744. Op.1. D. 236. L. 216; D. 289. L. 61,149; F. 804. Op.1. D. 193. L. 106-106 vol.; D. 222. L. 25-63; D. 263. L. 13,25,60.
8. CSAMR. F. 744. Op.1. D. 694. L. 53,82-83.
9. CSAMR. F. 744. Op.1. D. 265. L. 151.
10. CSAMR. F. 804. Op.1. D. 222. L. 25-63; F. 805. Op.1. D. 209. L. 2-24.
11. CSAMR. F. 804. Op.1. D. 118. L. 2-22.
12. CSAMR. F. 804. Op.1. D. 263. L. 45,60.
13. CSAMR. F. 744. Op.1. D. 265. L. 151; F. 804. Op.1. D. 188. L. 19,43-44,51.
14. CSAMR. F. 744. Op.1. D. 359. L. 13; F. 804. Op.1. D. 195. L. 63; D. 263. L. 5, D. 265. L. 8-13.

15. CSAMR. F. 804. Op. 1. D. 199. L. 1-5; D. 284. L. 6.
16. CSAMR. F. 744. Op.1. D. 199. L. 1-7, D. 359. L. 63; D. 489. L. 315-315об.,364; F. 804. D. 222. L. 2,25-63; D. 285. L. 5-15.
17. CSAMR. F. 804. Op.1. D. 118. L. 2-22; D. 222. L. 25-63.
18. Central state archive of Moscow. Department of storage of documents of social and political history of Moscow (hereinafter-CSA of Moscow. DSDSPHM). F. 3. Op. 2. D. 49. L. 196; CSAMR. F. 744. Op. 1. D. 82. L. 20-20ob.
19. CSAMR. F. 744. Op.1. D. 409. L. 151,178.
20. CSAMR. F. 744. Op.1. D. 34. L. 131,170, D. 172. L. 62; D. 482. L. 26.
21. CSAMR. F. 2213. Op.1. 1. L. 67,92,105,149.
22. CSAMR. F. 65. Op. 3. D. 41. L. 109; F. 4999. Op. 1. D. 13. L. 13ob.
23. CSAMR. F. 4999. Op. 1. D. 13. L. 87.
24. CSAMR. F. 804. Op. 1. D. 193. L. 10.
25. CSAMR. F. 744. Op. 1. D. 519. L. 43-43ob., 51ob.
26. CSAMR. F. 744. Op. 1. D. 599. L. 80-83.
27. CSAMR. F. 744. Op. 1. D. 489. L. 310-311; D599. L. 83.
28. CSAMR F.744. Op. 1. D. 265. L. 152; D. 489. L. 236, 265,280.
29. CSA of Moscow. DSDSPHM. F. 126. Op.1. D. 29. L. 35-37.
30. CSAMR. F. 744. Op.1. D. 197. L. 18,25; D. 265. L. 152; D. 489. L. 26,43,121-122,263,268; F. 804. Op.1. D. 263. L. 25-69,84; F. 4424. Op.1. 2. L. 65; D. 82. L. 43; D. 334. L. 54.
31. CSAMR. F. 744. Op. 1. D. 192. L. 49; D. 359. L. 22, 27; D. 740. L. 239-246.
32. CSAMR. F. 744. Op. 1. D. 484. L. 113; D. 489. L. 120.
33. CSA of Moscow. DSDSPHM. F. 126. Op. 1. D. 29. L. 17, 29-30; D. 89. L. 77; CSAMR. F. 4424. Op. 1. D. 12. L. 46; Prokhorov M. F. From the history of the museum "Kutuzovskaya izba" in the 1920s. Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Problems. M.: Kalita, 2001. P. 211-221.
34. CSA of Moscow. DSDSPHM. F. 126. Op. 1. D. 29. L. 30; All for the Motherland. 1996. 25 Dec.
35. Kolistka V. V. Secret plant in Filyakh [Electronic resource]. nvo.ng.ru/history/2001-98-1715 (accessed: 23.12.2020).
36. CSAMR. F. 191. Op. 1. D. 62. L. 105; All for the Motherland. 2006. 27 Oct.
37. Soviet military-industrial production. 1918-1926: Sat. dock-ing. M.: New chronograph, 2005. Pp. 548-550.
38. CSAMR. F. 804. Op.1. D. 108; D. 148. L. 11-12.
39. Khromov S. S. Foreign concessions in the USSR. Part 2. M.: publishing house of the Iranian Academy of Sciences, 2006. Pp. 162-168.
40. Oleg Mozokhin. The collapse of Agent Lukashevker. Counteraction of the OGPU to economic espionage. Rodina. 2011. No. 5. p. 24-25.
41. Chertok B. E. Rockets and people. Fili, Podlipki, Tyuratam. M.: Mashinostroenie, 1999; Forward. 1932. 24 October; All for the Motherland. 2006. October 27; Aerodrome in Fili [Electronic resource] //flydreams.ru/blog/2008/05/04 (accessed: 23.12.2020); Who created the aviation industry in the USSR? [Electronic resource]. is 2006. live journal.com / 1872728 htm (accessed: 23.12.2020).

42. CSA of Moscow. DSDSPHM. F. 3. Op.3. D. 34. L. 135об.; Op.5. 47. L. 164 about.-167; Op.7. D. 57. L. 369; Op.9. D. 80. L. 4; of CSAMR. F. 65. Op.3. D. 41. L. 322; F. 4999. Op.1. 13. L. 87.
43. Prokhorov M. F. From the history of Kutuzovskaya sloboda ... pp. 150-152.
44. CSAMR. F. 744. Op.1. D. 725. L. 21; F. 2295. Op.1. D. 145. L. 1-4.
45. CSAMR. F. 744. Op.1. D. 344. L. 4, D. 581. L. 18; F. 2295. Op.1. D. 57. L. 3,6,34-37.

Информация об авторе: Прохоров Михаил Федорович, профессор, доктор исторических наук, профессор Института туризма и гостеприимства (г. Москва) (филиал) ФГБОУ ВО «Российский государственный университет туризма и сервиса». 125438, г. Москва, Кронштадтский бульвар, д.32 А.
г. Москва, Россия.
e-mail: 2210.mfp@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Mikhail F. Prokhorov, Russian state University of tourism and service,
Moscow, Russia
2210.mfp@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 29.11.2020
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 24.12.2020
Принята к публикации / Accepted for publication: 27.12.2020

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

© Прохоров М.Ф.